

• СЕМЬЯ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ •

Научная статья
УДК 94(470.11):930.2"11/13".316.356.2
EDN: ZBSVDE
DOI: 10.35231/25422375_2025_1_10

Взаимоотношения «взрослых детей» с родителями и прародителями как аспект семейной повседневности населения Северо-Запада Руси (по материалам берестяных грамот XII–XIV вв.)

А. С. Новиков

В статье рассматриваются различные грани взаимоотношений, прошедших стадию взросления детей с их родителями и прародителями (бабушками и дедушками). Проблема раскрывается в качестве одного из аспектов семейной повседневности населения северо-западных земель Руси в XII–XIV вв. (преимущественно Новгородской и Псковской земель). Констатируется, что и после создания собственной семьи, дети продолжали взаимодействовать с «родительским домом». Прослеживаются различные формы и обстоятельства этого взаимодействия – экономические, юридические или культурно-антропологические (личностные в контексте заботы и опеки). Экономическая форма рассматривается в контексте совместной экономической (в частности торговой) деятельности, финансовой и иной материальной поддержки, а также других специфических обстоятельств. Юридическая форма взаимодействия освещается с опорой на различные прецеденты – поручительства, взятия на себя долговых обязательств и даже попыток избежать юридической ответственности. Культурно-антропологическая сторона вопроса раскрывается в выяснении обстоятельств взятия на себя «молодыми» различных попечительских функций над старшим поколением, а также в ходе обозначения тех психоземональных процессов, которые можно квалифицировать как заботу. Статья на основе такого исторического источника, как берестяные грамоты, предлагает интерпретацию социальных и личностных процессов, определявших семейную (в широком смысле) жизнь человека средневековой Руси.

Ключевые слова: семья, детство, родители, прародители, средневековая Русь, Новгородская земля, берестяные грамоты.

Благодарности: автор выносит глубочайшую признательность людям, благодаря которым предложенная статья выходит в свет: *Валентине Александровне Веремко*, доктору исторических наук, профессору, научному руководителю кандидатской диссертации – за веру в научный потенциал автора, постоянную исследовательскую и личностную поддержку, за огромное количество вложенных усилий в становление автора как исследователя и постоянную мотивацию к научной работе; *Марине Николаевне Новиковой*, любимой матери – за неиссякаемую уверенность в силах автора, неоценимую помощь в определении жизненного пути и поддержку при любых обстоятельствах; *Раисе Андреевне Полягошко*, дорогой бабушке, *matrona familias* – за колоссальную роль в складывании характера, убеждений и твердой жизненной позиции автора. Эта статья посвящается Вам.

Для цитирования: Новиков А. С. Взаимоотношения «взрослых детей» с родителями и прародителями как аспект семейной повседневности населения Северо-Запада Руси (по материалам берестяных грамот XII–XIV вв.) // История повседневности. – 2025. – № 1. – С. 10–30. DOI: 10.35231/25422375_2025_1_10. EDN: ZBSVDE

Введение

В современном обществе отношения между эмансипированными детьми и их родителями и прародителями (бабушками и дедушками) заканчиваются далеко не всегда; помощь и поддержка в различных обстоятельствах остаются неотъемлемой частью семейной повседневности. Казалось бы, что в социальной системе средневековой Руси выдача вчерашнего ребенка в брак однозначно вела к созданию отдельной независимой семьи – особенно если замуж выдавали дочь. Однако при пристальном рассмотрении ситуация могла демонстрировать совершенно иные грани.

Проблема данного исследования лежит во всестороннем рассмотрении и интерпретации такого аспекта семейной повседневности, как взаимодействие взрослых сыновей и дочерей, проживавших на территории Северо-Западной Руси в XII–XIV вв., с их родителями и прародителями. Проблема предложена к разработке с трех ключевых сторон – экономической, юридической и культурно-антропологической (личностной в контексте заботы и опеки).

Вопросы детства и семейной повседневности сравнительно недавно заняли свое место в исторических исследованиях. Фактически только Ф. Арьес в своем труде 1960 г. [1] впервые начал исследование семьи и детства не «сверху» (имея в виду организационные основы), а изнутри (с точки зрения людей, проживавших детство и жизнь в семье). С его исследованиями коррелируют и иные научные труды школы Анналов [см. напр.: 2]. Впрочем, по очевидным причинам, вопросы повседневности на Руси французскими анналистами не затрагивались.

В отечественной историографии темы семейной повседневности появились чуть позднее – в последней четверти XX в., и затрагивались Ю. Л. Бессмертным [3], который, однако, сосредоточился на историко-демографических процессах, а также формах и историческом пути семьи западноевропейского (преимущественно, французского) Средневековья. Вклад в проблематику внёс также И. С. Кон [4], уделивший существенное внимание вопросам этнографии детства и родительства. В контексте работ по анализу различных аспектов жизни средневекового Новгорода и источниковедению истории Новгородской земли нельзя не отметить вклад В. Л. Янина [5].

Семейная жизнь и повседневность населения Руси также стала предметом исследования Н. Л. Пушкаревой [6], во многом определившей целое направление в исторической науке в предметном поле гендерной истории, исторической феминологии и истории сексуальности. Вопросы семейной повседневности всесторонне разрабатываются В. А. Веременко [7], однако основная часть ее научных публикаций находится в хронологических рамках XIX – начала XX в. Серьезный вклад в изучение социально-политической структуры средневекового Новгорода внес П. В. Лукин [8], хотя его исследования относятся в большей степени к сфере истории народного собрания (в т. ч. новгородского вече) и истории городской культуры. Хронологически близки к предложенному исследованию научные изыскания А. П. Богданова [9], вместе с тем его работы о повседневности средневековой Руси затрагивают более ранние периоды, а обозначенную выше проблему обходят стороной. Также стоит отметить существенную роль А. А. Гиппиуса в раскрытие различных аспектов исторической лингвистики, экономической истории, нумизматики и источниковедения средневековой Руси (и, в частности, средневекового Новгорода) [10], однако его научные изыскания в малой степени коснулись вопросов семьи и отношений между поколениями. В любом случае вопросы взаимоотношений взрослых детей с родителями и прародителями освещены в историографии достаточно бегло, а в отношении Северо-Запада средневековой Руси – и вовсе не рассматривались.

Вместе с тем историографический материал дает возможность наметить отправную точку предлагаемого исследования, обозначая характер средневекового человека, средневекового общества и средневековой семьи как специфических исторических явлений (как в рамках эпохи в целом, так и в регионе в частности). Средневековому человеку был свойственен «дух консерватизма... мировой порядок был установлен по воле Божьей, любое изменение грозило нарушить это равновесие: любое новшество было символом зла» [2, с. 205], что могло приводить к продолжительному отсутствию перемен в различных сферах общественной жизни (что, впрочем, не означает полное отсутствие динамического развития). Человек Средневековья теснейшим образом связан со своей социальной группой, так что «работы на земле, организацию обмена, этапы ремесленно-

го производства, военную или умственную деятельность сложно представить вне группы, семейства, соседей, людей одного общественного слоя» [2, с. 205]. В ведении группы (семьи или клана), но не индивида, находилась сфера земельных и имущественных вопросов [2, с. 206]. Новгородская земля в этом отношении не являлась исключением из правил: наметившаяся в XII–XIII вв. тенденция к объединению населения того или иного конца города (а затем и земли) «под властью или влиянием владевших ими боярских семей», в XIV–XV вв. уже стала традицией [5, с. 33]. В исследованиях отмечается принадлежность человека к социальной группе и в более широком плане, о чем свидетельствует тезис о функционировании Новгорода «единой гражданской общиной» [8, с. 118]. Средневековая семейная организация предложена исследователями в форме большой патриархальной семьи, основной целью существования которой формально называлось деторождение [см. напр.: 3, с. 30–31; 33–39]. В рамках этой концепции существовала и Русь, где активное зачатие и рождение детей сопровождалось высокой детской смертностью, так что до взрослых лет доживали один-два ребенка (реже три-четыре) [6, с. 75], а отношение к потомству носило двойственный характер: одновременно и «с ними горе, а без них вдвое», и «без них горе, а с ними вдвое» [6, с. 71–72], т. е., хотя продолжение рода и препровождение детей во взрослую жизнь являлось важным и буквально обязательным, но сопровождалось большим количеством разнообразных трудностей. Таким образом, хотя повзрослевший ребенок в реалиях средневекового общества приступал к обязанностям взрослого и образовывал свою семью так рано, насколько это возможно, тесные связи внутри социальных групп различных уровней затрудняли (если не делали невозможным) полный разрыв с поколениями родителей и прародителей.

В данном исследовании основной используемой группой исторических источников являются берестяные грамоты происхождением преимущественно из Новгородской земли. Подавляющее большинство грамот можно отнести к документальным источникам личного происхождения – они демонстрируют личную переписку по различным вопросам между жителями Новгорода, Торжка, Смоленска и других городов [11–26]. Эти грамоты объединяют и сходная структура (приветствие от автора

к адресату, основное содержание письма, заключение с пожеланиями здоровья или указаниями на продолжение диалога), и сходное содержание (хозяйственные, бытовые, микроэкономические и личные вопросы). Ценность этой группы источников в том, что они способны не только выявить характеристику форм взаимодействия детей, вышедших из детского состояния, с родителями и прародителями, но и продемонстрировать личное отношение автора к контексту письма и его адресату.

Отдельно стоит отметить обособленную от основного массива новгородскую берестяную грамоту № 893 (датирована 1120–1140 гг.) [27]. В историографии она зафиксирована под условным названием «Записи Марты» [28–30]. Сам по себе этот документ представлял собой свод правил по организации быта (в том числе семейного).

Вспомогательным источником в исследовании может послужить Новгородская первая летопись Старшего извода [31], которая позволит вывести обстоятельства, описанные в берестяных грамотах, с микроуровня (автор–адресат) на макроуровень (события в масштабе Новгородской земли, а иногда и всей Руси).

Для полноценного раскрытия обозначенной проблематики, необходимо определить методологическую основу предложенного исследования. В исследовании использованы: 1) метод критического анализа источника; 2) методология структур повседневности Фернана Броделя, позволяющая выделять основные грани повседневности на макроуровне; 3) гендерный подход, в данном случае предполагающий анализ гендерных аспектов взаимодействия поколений; 4) метод научно-исторического перевода, в данном случае подразумевающий перевод текста с новгородского диалекта древнерусского языка на современный русский с максимально точным сохранением лексической и синтаксической структуры оригинала (допуская употребление архаизмов, просторечий, обценной лексики и т. п.).

Целью предложенного исследования является выделение основных граней взаимодействия взрослых сыновей и дочерей, проживавших на территории Северо-Западной Руси в XII–XIV вв., с их отцами, матерями, бабушками и дедушками.

В соответствии с целью определены следующие задачи: 1) обозначить грани взаимодействия «взрослых детей» с их родителями и прародителями; 2) раскрыть особенности эко-

номического взаимодействия упомянутых категорий населения; 3) выявить прецеденты юридического взаимодействия представителей младшего взрослого поколения со старшими поколениями их семей; 4) определить место опеки и заботы, проявляемых повзрослевшими детьми в отношении их отцов, матерей, бабушек и дедушек.

Гипотеза исследования заключается в том, что после выхода из детского возраста «вчерашние дети» не только не отрывались от старших поколений их семьи, но и открывали для себя новые грани и формы взаимодействия.

«Поклон от Григори к матери! Дай 30 гривен...» или особенности экономических и хозяйственных взаимоотношений

Целый ряд берестяных грамот демонстрирует совместную экономическую (преимущественно торговую) деятельность родителей и их повзрослевших детей. В первую очередь рассмотрим взаимодействие отцов и их сыновей в различных экономических и финансовых вопросах, что в контексте традиционного общества выглядело бы абсолютно реалистичным.

Действительно, наиболее раннее подтверждение такого взаимодействия (середина XII в.) можно увидеть, обратившись к новгородской берестяной грамоте № 831. Текст сохранился не полностью, однако некоторые его фрагменты способны раскрыть особенности организации совместной экономической деятельности отцов и их взрослых детей. В частности, начальная часть текста, написанная на внешней стороне грамоты, служила отражением конфликта между новгородцем Кузьмой с его детьми, с одной стороны, и «старшѣм» Рагуилом, с другой: «Ѹтъ коузьме и отъ дети его къ рагоуилови ко старшоумоу <...> коръвоу тебе во полоуторъ гривьне <...> и сире а то гриввноу криль есмь и дьсать сигово и полтъ во дьсать коуно а попови твоемоу коръвоу во гриввноу а трокѣ твое чистило есмь и даалъ дары а съ еси поллъ оу мьне роубоу и паръбоко во сьми гриввно а друоугоу роубоу во довоу гриввноу да бласлови та бѣго а съ на ма чето въздираеши и на мое дети кото ли на ма тажоу дьеть...»¹ [20].

¹ От Кузьмы и от детей его к Рагуилу-старшому. [Дали] корову тебе на полторы гривны... и сыр на гривну, и десять сигов, и половину туши на десять кун; а попу твоему корову на гривну; а отроков твоих чистил (речь буквально идет об отмывании в бане; но, возможно, автор имел в виду «чистило есмь», т. е. оказывал почести) и одаривал дарами. А ты забрал у меня рабыню и парубка на семь гривен, а другую рабыню

Обратить внимание стоит на то, что автор текста писал не только от своего имени, но и от имени своих детей. Контекстуально наиболее очевидно, что все упомянутые товары – сыр, рыбу и пр. – Кузьма собирал вместе со своими детьми, где все предпринимали самостоятельные действия ради общей цели, однако их отец на правах старшего члена семьи выражал общее мнение перед Рагуилом. А текст продолжен и на обороте, акцентируя внимание на уязвленных чувствах автора: «...а ни а тебе кобязанино ни а тебе скоудьтина а и горьзно ми бешь...»¹ [20]. Эмоциональная подоплека продемонстрировала особую чувствительность новгородца (скорее всего, купца) к собственным хозяйственным делам, хотя обстоятельства бывшего «горьзно» остались вне контекста. Как бы то ни было, наличие совместных экономических действий родительского поколения и поколения детей вполне очевидно.

Чуть более поздняя, датируемая первыми декадами XIII в., смоленская грамота № Смол. 9/8 способна куда более прозрачно раскрыть совместные дела отцов и детей. В ней содержится запись следующего содержания: «ѡтъ отьча къ моисѣю възми оу <...> гривнѣ и осмѣ нѣгатѣ а оу аръша пѣло съме ргивнѣ...»² [25]. Отец давал сыну финансовые поручения, которые могли быть связаны либо с взятием денег в долг, либо наоборот – со сбором самих долгов или процентов по ним. Такая практика имела распространение в древнем и средневековом обществе Руси [32], так что в контексте совместной экономической деятельности делегирование определенных действий сыну вполне естественно.

Отцовские письма сыновьям могли содержать не только поручения, но и рекомендации по торговым вопросам. Так, в грамоте № 528 (датирована 1360–1380 гг.) можно увидеть отцовский совет продать товар с посредником: «от оци поклонѣ к олоскандру сто бы еси добръ доспѣле сто у тьбѣ сыры то бы еси масло то бы еси продаде с климомѣ а а тобѣ кланаоса продава да бы еси миму...»³ [18]. В контексте исследования актуально то, что здесь нашла свое отражение практика передачи опыта от более поднаторевшего

на две гривны! Да Бог с тобой. А ты ко мне что-то придираешься, и к детям моим (здесь и далее перевод и примечания авт.).

¹ А я тебе не кобязанин, не бессребренник, хотя и горестно мне было [тогда].

² От отца – Моисею. Возьми у [пропущено имя] [пропущено число] гривен и восемь ногат, а у Ярыша без половины семь гривен.

³ От отца поклон Олоксандру! Если хорошо дозрели у тебя сыры и масло, то продал бы [их] с Климом. Я тебя прошу – продавал бы ты Климу.

в подобных делах отца к, похоже, начинающему своё собственное дело сыну. Казалось бы, процесс обучения и воспитания должен был закончиться с началом самостоятельной взрослой жизни упомянутого сына, однако цитируемый источник демонстрирует обратное, в определенной степени пролонгируя упомянутый процесс и «растягивая» его на более продолжительный период.

Впрочем, не только отцы могли раздавать сыновьям поручения. Стоит выделить датируемую серединой XIII в. грамоту № 404, где отец, похоже на регулярной основе, высылал сыну «ковриго», однако последний попросил его прекратить высылку, предварительно дав определенные указания: «ѿ МИХАЛА К АТЦЕВИ ОЖЕ ПОИДЕ КНЯЗЕ А ПОИМИ КОНЕ ОУ ФЕДОРА И СЕДЛО ВОЗМИ А КОВРИГО НЕ СЛИ СЕМО ДЕШЕВО»¹ [15]. Вполне очевидна в данной ситуации регулярная экономическая помощь, которую осуществлял отец в виде высылки «ковриго», однако обстоятельства поручений сына источником оставлены вне контекста.

Случались и обратные ситуации: грамота № 1053 содержит прошение отца о высылке одежды и иных предметов быта: «ѿ ОНОСА ПОКЛОНО КО ДАНИЛЪ СЫНЪ МОЕМЪ ПРИШИ МИ СОРОЮ ПОЛОТЕНЕЦЕ ПОРОТОКИ ПОВОДО СЕСТРЪ МОЕ ПРИШИ ПОЛОТЕНА А БЪДЪ ЖИВО ЗАПОЛАЦЮСА»² [22]. Как становится очевидным из текста грамоты, сыновья помощь видится отцом совсем не безвозмездной – родитель намеревается оплатить упомянутые вещи, «ежели жив будет».

А если совместная экономическая деятельность отцов и сыновей очевидна, то могли ли подобные взаимоотношения возникнуть между *матерями* и их сыновьями в реалиях средневекового Северо-Запада Руси? Характеризуя статус женщины в традиционном обществе, исследователи нередко указывали на её экономически неполноправное положение [см. напр.: 33]. Вместе с тем содержание ряда берестяных грамот демонстрируют обратное.

Так, письмо Стоенег, автора грамоты № 384 (датируемой 1160–1180 гг.) в буквальном смысле содержало отчет перед матерью по расходам: «ѿЪ СТЬЕНЪГА КЪ МАТЕРИ ТО ТИ ЕСМЪ ДАЛЕ САВЪ: Е: КЪНЪ ВЪЖЕ ТРЪКЪВИЩЕ ЛЪЖИЦИ: В: НОЖА: В: БРЪСЕ ВОЖЪ ОЛЕНИКИ»³ [13]. Неясно, кому изначально принадлежали упомянутые

¹ От Михаила – отцу. Если пойдет князь – возьми коня у Федора, и седло возьми. А хлебов не шли – здесь дешево.

² От Оноса поклон к Даниле, сыну моему. Пришли мне сорочку, полотенце, портки, поводья; сестре моей пришли полотна. А буду жив – расплачусь.

³ От Стоенег к матери. Я дал Саве 5 кун, вожжи, полотнище, ложки две, ножа два, брусок [точильный], вожжи олени.

ценности – Стоенегу или его матери, а учитывая отсутствие контекста, невозможно утверждать о совместном ведении хозяйства, взятии вещей в долг (или без него) у матери, но факт отчетности способен говорить сам за себя.

Впрочем, сыновья не только отчитывались перед матерями о своих делах, но и просили у них финансовой помощи. Грамота № 395 (третья четверть XIII в.) недвусмысленно указала на проблемы сына: «поклоно ѿ григори ко матери ѿдай ѿ гривво и та ѿмули исца с татѣе сюда»¹ [14]. Показательно, что Григоря не только попросил у матери 30 гривен, что являлось в ту пору весьма существенной суммой [35], но и попросил её посодействовать в решении собственных проблем с законом. Контекст, очевидный для автора и адресата, тем не менее остался за пределами текста письма, так что прояснить обстоятельства целиком невозможно. Впрочем, текст письма подразумевал и юридическую сторону взаимодействия поколений, что будет раскрыто в следующем разделе предложенного исследования.

Два более поздних текста, датируемых серединой – второй половиной XIV в., способны раскрыть новые подробности совместной хозяйственной деятельности сыновей и их старших родственниц.

Так, грамотой № 354 переданы поручения Онсифора матери, сходные с теми, какие высылали друг другу отцы и их сыновья: «челомъ битиѣ к огжи мѣтри ѿ Онсифора вели нестерю рубль скопити да ити к июрию к сукладнику молиса км что бы конь купиль да иди с обросиемъ к степану жеребии возма или возметь рубль купи и другии конь да прошаи оу юриа полтини да купи соли с обросиемъ а мѣхи и серебра не добудеть до пути пошли с нестеромъ симъ да пошли ѿ кози коракулю патенъ польсти веретица мѣхи и медвидно вели оу максима оу ключника пшенки попрошати и диду молиса что бы ихаль в июриевъ монастырь пшенки попрошалъ а сдисе не наддиса»² [11]. Исходя из набора просьб и поручений, направленных матери, возможно пред-

¹ Поклон от Григори к матери! Дай 30 гривен, и так (буквально – с их помощью) упроси истца по краже [прийти] сюда.

² Челобитие госпоже матери от Онсифора. Вели Нестерю рубль собрать и идти к Июрию-складнику. Уговори его, чтобы коня купил, да иди с Обросием к Степану, взяв долю. Если рубль возьмет [за коня] – купи еще [одного] коня. Да попроси у Юрия полтину и соль купи с Обросием. А [если] не добудет он до пути мѣхи и серебро, [то] пришли их с Нестером этим. Да пошли два таганка-козы, коракулю, тамги, сани, рогожу, мѣхи и медвежью шкуру. Вели у Максима-ключника пшенки попросить; и деда уговори, чтобы ехал в Юрьев монастырь пшенки попросить, а то здесь надежды [на пшенку] нет.

положить, что сын собирался в дальнюю дорогу, притом в более холодные места (о чем свидетельствуют, например, лыжи и медвежья шкура). Действительно, новгородцы еще с XIII в. организовывали торговые и иные экспедиции в Поморье [34, с. 13–21], т. е. на территории, которые впоследствии будут названы Русским Севером. В данном случае именно мать руководила организацией сбора сына в подобный поход.

Грамота № 578, продемонстрировав связь с более старшим поколением, содержит поручения Онцифора его бабушке Маремьяне: «поклонъ ѿ Онцифора к бабѣ к марѣмянѣ что кси ми гже тобѣ далъ полтину дати биричу а грамота взать ажъ будешь грамоту взала даи онтану...»¹ [19]. Показательно, что Онцифор говорил о деньгах, которые он сам дал бабушке Маремьяне на конкретное дело – дать биричу с непременно взятием у него грамоты. Здесь возможно проследить и определенную форму заботы о старшем родственнике (в данном случае – о финансовой помощи), и, вероятно, совместно решаемые юридические вопросы. Такого рода контекст способен пролить свет на иные формы взаимодействия повзрослевших детей с их родителями и прародителями, которые будут раскрыты в предложенном исследовании ниже. Здесь же важно отметить и то, что процитированная выше грамота – единственная из содержащих информацию об экономическом и хозяйственном взаимодействии поколения внуков с поколением их бабушек и дедушек.

Совершенно немислимым может казаться наличие совместных дел взрослых дочерей и их родителей, однако факт взаимодействия сыновей с матерями заставляет поставить вопрос ребром – взаимодействовали ли с родителями дочери?

Весь массив известных берестяных грамот XII–XIV вв. не содержит ни одного упоминания о том, чтобы дочери писали по экономическим и хозяйственным вопросам отцам, а те – дочерям. Известные на данные момент источники по упомянутому периоду не содержат прямого или косвенного указания на причины подобного расклада. Вместе с тем в условиях существования самостоятельной экономической деятельности женщин Северо-Запада средневековой Руси [36], а также наличия переписки мужчин старшего поколения с предста-

¹ Поклон от Онцифора к бабушке Маремьяне! То, госпожа, что я дал тебе полтину – это дать биричу (официальному глашатая), а грамоту [с него] взять. Как будешь грамоту брать – дай [ее] Онтану.

вительницами поколения их детей по иным вопросам, стоит предположить, что подходящие источники на данный момент попросту ещё не обнаружены.

Тем не менее, целый ряд берестяных грамот способен раскрыть особенности взаимодействия дочерей с их матерями.

Письмо Онуфреи из Торжка матери, написанное в начале XIII в., имело ту же специфику, что и письма сыновей отцам: «**Ѡ онуѡрьѣ къ матери пошьлъ петръ къ тебе поемъ конь и матьль лазаревъ а воротите конь и матьль а самого послѣ сѣмо али не послешъ а таку же ми вѣсть присли и покланяю ти са и цѣлую та**»¹ [26]. Отсутствие серьезных отличий с хозяйственными поручениями, содержащимися в переписке мужчин-родственников, является лишним подтверждением экономической самостоятельности женщин Северо-Запада средневековой Руси, а также вновь подчеркивает наличие совместной хозяйственной деятельности между поколением детей и поколением их родителей. Немаловажным в контексте исследования стоит считать то, как Онуфрея завершила письмо: «**покланяю ти са и цѣлую та**», что способно достаточно очевидно установить – отношения матери и дочери были весьма тёплыми, поскольку последняя даже в спешке отвела время на демонстрацию уважения и нежности к матери.

Написанная более чем через столетие после предыдущей, новгородская грамота № 1102 (1340–1360 гг.) раскрывает дополнительную грань взаимодействия дочерей с их матерями: «**поклоно Ѡ лукерии ки макти коливка остави а рубили свои возми а потину пришли кланиса про потинуоу сварити а це рѣмѣа приди сама сѣмо слю ти бѣжа любо сѣсру пришли охѡи**»² [24]. Исходя из контекста, наиболее закономерной была бы следующая реконструкция событий: дочь совместно с матерью и сестрой занималась организацией похоронного обряда для кого-то из умерших родственников, и просьбы её носили одновременно и бытовой, и имущественный характер. Дочь попросила мать оставить ей «**коливка**» (аналог кутьи как элемента погребальной трапезы [37, с. 357]) и подключила

¹ От Онуфреи к матери. Пошел Петр к тебе, а с ним конь и мятль Лазарев. Верните коня и мятль (*широкий плац в форме полукруга, скальваемый брошью-фибулой*), а самого пошли сюда. Если не пошлешь – такую же (*скорее всего, берестяную*) весточку пришли. Кланяюсь тебе и целую!

² Поклон от Лукерии к матери! Коливка оставь. Рубли свои возьми, а полтину пришли. Поклонись за полтину. Свари. А что до обносков, [так] приходи сюда сама – шлю [грамоту] тебе на бегу. Либо сестру пришли. Ох!

мать к разделу «**рѣмѣ**» покойного. Совместное совершение погребальных обрядов восточнославянскими женщинами историографии известно [см. напр.: 38, с. 375–390], однако в контексте освещаемой проблемы важно другое: часть имущества покойного переходило к имуществу тех, кто организовывал похороны, в данном случае Лукерии и её матери. А зафиксированное в конце текста междометие «**охои**» (недвусмысленно обозначавшее здесь определенную степень усталости) лишней раз подчеркнуло эмоциональную реакцию Лукерии на происходящее.

Исходя из вышеизложенного, становится очевидным, что для северо-западной Руси XII–XIV вв. был характерен целый спектр форм экономического и хозяйственного взаимодействия повзрослевших детей и их родителей и прародителей. Обоюдные хозяйственные и экономические поручения, совместные торговые и финансовые дела были естественными формами взаимодействия отцов и сыновей, сыновей и матерей, дочерей и матерей. Взаимоотношения же младших членов семьи (в данном случае – внуков) с поколением бабушек и дедушек, хотя и присутствуют, но в меньшей степени, нежели отношения детей с родителями. Нередким для содержания грамот явлением была демонстрация эмоционального отношения к обсуждаемому, включая и определенную теплоту в отношении близких родственников. Вопрос же взаимодействия отцов и дочерей остается открытым – возможно, из-за скудности доступных современной науке исторических источников.

**«Иди к сыну домой – ты свободен»,
или прецеденты юридического взаимодействия**

Вопросы юридического взаимодействия периодически становились поводом для переписки между поколениями на Северо-Западе Руси XII–XIV вв. Нередки были случаи, когда родственник являлся представителем или поручителем другого члена семьи в суде или брал на себя его финансовые обязательства.

Так, юридические перипетии отражены в новгородской грамоте № 421, датируемой 1120–1140 гг. Впрочем, её содержание способно породить не меньше вопросов, чем дать ответов: «Ѹ̑ брѣтѣѡ къ нежилѡу поиди соупѡу домѡвъ свободнѣ еси пакѣ ли не идѣши а послѡу н тѣ абытъникъ а заплатишь ꙗко грѣвнъ а тѣ

свбонь»¹ [16]. Вполне очевидно, что Братята пишет Нежилу о том, что последнего освободили под залог в 20 гривен, и он может идти домой. Но кем приходились автор и адресат друг другу и к кому домой следует направиться Нежилу? Так, А. В. Арциховский и В. Л. Янин, опубликовавшие цитируемую берестяную грамоту, склонялись к той версии, что слово «соуноу» является искаженной формой звательного падежа существительного «сынъ», однако допускали, что автор опустил предлог «к», т. е. речь идет о направлении Нежила к его сыну [16]. Предложенное допущение в большей степени соотносится с нормами древнерусского языка [39, с. 273–277], нежели версия, принятая за основную, так что предпочтительнее реконструировать фрагмент фразы как «к сыноу». В любом случае и освобождение сына отцом под залог, и направление отца в сыновний дом после освобождения из заключения способны отражать специфику правового взаимодействия поколений.

Но не только отцы могли выступать поручителями за сыновей, а сыновья – за отцов в юридических вопросах. В грамоте № 1087, датированной серединой XII в., содержалось известие от деда Лекши о его пропащем внуке и связанных с ним событиях: «Ѡ ѡкъшь къ дѣмѣанъкоу какъ ты за мѣною творишь коуноу <...> за вѣноухъцью ти Ѡ коунъ показаль ти данило ем <...> вѣзьми жь на нь вѣ трѣть а азъ ти съ зна <...> внь дѣвь гривнѣ а вѣноухъца бѣжал...»² [23]. Лекша не называл внука по имени, но его действия в отношении последнего, сбежавшего в неизвестном направлении, говорили сами за себя. Дед вместо внука вступил в экономические правоотношения, принимая на себя его долги и выплачивая также и проценты по долгу. Особо стоит отметить и лексику, использованную автором – не упоминая имени внука, он дважды использовал оборот «вѣноухъца», т. е. буквально «внучек». С большой долей вероятности стоит предположить, что здесь речь идет именно о теплом родственном отношении к «внучку» (что достаточно трудоёмко осветить, используя собственно историческую методологию), а не о тех или иных обязательствах, которые могла быть наложены на деда в силу родственной связи.

¹ От Братяты к Нежилу. Иди к сыну домой – ты свободен; а не пойдешь – пошло за тобой ябетника. Я заплатил 20 гривен, и ты свободен.

² От Олекши к Демьянку. За мной ты считаешь куну, за внучком – 9 кун, как показал Данило. Возьми на меня под треть (буквально – запиши всё это на меня и добавь ещё треть от общей суммы). [Получится] две гривны. А внучек бежал...

Впрочем, поколения могли помогать друг другу не только в форме выплаты залога или взятия на себя долгов. В грамоте № 952 (1160–1180 гг.) можно отследить обстоятельства механизма ухода от юридической ответственности: «ѿ радька къ отьцьви покланание товарищъ есмы послаалъ смольнскоу а путилоу ти оубили а хотать ны ати въ фому съ вацьшькою а мьльва заплатите четьри съта гривны или а зовите фому съмо пакы ли да въсадимо вы въ погрьбо и покланание ѿ вацьшькѣ къ лазорьви послаалъ есмь конь юковоуцько а самъ есмь dospьль»¹ [21]. Письмо от Радка и Вячешки Лазорю (отцу первого), помимо констатации трудной ситуации, в которую попали авторы, также утверждало и то, что составители письма готовы бежать из Смоленска и непрозрачно намекали Лазорю, что стоит либо помочь с уплатой огромной суммы в 400 гривен, либо принять беглецов у себя.

Показательно, что среди берестяных грамот нет упоминаний об участии в юридических коллизиях женщин – по крайней мере в виде стороны, нуждавшейся во вмешательстве в процесс. Представляется возможным, что это связано с традиционно меньшей степенью вовлеченности женщин в противоправную деятельность [40]. Однако возможно и решение таких вопросов внутри семьи, что является поводом для отдельного исследования.

Таким образом, хотя формы юридического взаимодействия и не изобиловали многообразием, но демонстрировали несколько возможных вариантов такового – посредничество в освобождении, приют освобожденного из заключения, взятие на себя долгов и даже фактическое укрывательство сбежавших от закона. Важно также отметить, что участниками подобного взаимодействия становились преимущественно (или целиком) мужчины. Вместе с тем прецедентов взаимодействия представителей поколения детей было меньше, нежели количество таковых, что соотносится с положениями предыдущего раздела.

«...Пришлите мне грамотку, здоровы ли», или проявления заботы о родных и опека взрослых детей над родителями

Вопросы опеки взрослых детей над родителями также определяли поступки людей на северо-западе средневековой Руси.

¹ От Радка к отцу поклон. Товарец я послал в Смоленск. А Путилу-то убили. А нас с Вячешкою хотят взять за Фому, говорят – заплатите 400 гривен или зовите Фому, а не то посадим вас в поруб. И поклон от Вячешки Лазорю: послал я коня вьчюного, да и сам готов.

Например, грамота № 424, написанная 1100–1120 гг., содержала буквальное приглашение родителей к переезду поближе к сыну: «ѿ гюрьга къ отъчєви и къ матери продавшє дворъ идите же сѣмо смольнску ли кыєвоу ли дешеве ти хлєбе али не идете а присъте ми грамотичу сторови ли есте»¹ [17]. Гюрьги уговаривает родителей перебраться к нему в Смоленск, и аргументом стала дешевизна хлеба. Сына, похоже, устроил бы переезд и в Киев под тем же предлогом. Возможно, причина, движимая Гюрьгой, была более серьезной, чем могла бы казаться – за упомянутое время новгородцы пережили землетрясение в 1107 г., пожары в 1111 и 1113 гг. и мор среди лошадей в 1115 г. (в итоге в 1116 г. князю Мстиславу пришлось его отстраивать «болии първаго») [31, с. 19–20]. Так что желание сына в переезде родителей было предельно ясным. Завершено послание вопросом о здоровье родителей, что, похоже, было традиционной практикой.

В контексте поднимаемой темы необходимо обратиться к грамоте № 893 (1120–1140 гг.), которая в историографии зафиксирована под условным названием «Записи Марты». Об опеке взрослых детей над родителями свидетельствует следующий фрагмент текста: «али ти не дьлаета а наєми вѣ на наимито»² [27]. Хотя прямого указания на родителей в тексте нет, реконструкция «ти» как «ѿицѣ и матѣ» является единственным возможным вариантом в системе социальных отношений средневековой Руси, что можно считать историографическим консенсусом [28; 29].

Забота могла проявляться и в форме финансовой помощи, о чем свидетельствует грамота середины XIV в. № 358: «поклонь ѿспжи мѣтри послалъ ксьмъ с посадницимъ мануиломъ к бѣль к тобѣ...»³ [12]. Если запросы на денежную помощь, обозначенные выше, в значительной степени находятся в сфере экономических отношений, то в данном случае примечателен сам факт отсылки денежных средств без дополнительной просьбы или поручения, что вполне логично интерпретировать как проявление заботы.

Итак, во взаимодействии взрослых детей и представителей старших поколений их семей действительно можно выделить заботу о родителях и опеку над последними. Среди форм, предложенных берестяными грамотами, возможно выделить спо-

¹ От Гюрьга к отцу и к матери. Продав двор, идите сюда, в Смоленск, ну или в Киев. Дешевле-то [здесь] хлеб! А не пойдете – пришлите мне грамотку, здоровы ли.

² Если те не работают (т. е. буквально не могут, не в состоянии), то найми им работника за плату.

³ Поклон госпоже матери! Послал я с посадничим [человеком] Мануилом 20 белок тебе.

собствование переезду в более благоприятную локацию, найм работника для нетрудоспособных родителей (что и вовсе было закреплено в специфическом своде бытовых рекомендаций), а также прямую высылку денежных средств.

Обсуждение и выводы

Исследование взаимоотношений «взрослых детей» с родителями и прародителями в роли аспекта семейной повседневности населения Северо-Запада Руси XII–XIV вв. на основе берестяных грамот соответствующего периода может дать основание для ряда выводов.

Прежде всего стало очевидным, что переход «вчерашнего ребенка» во взрослое состояние и создание им новой семьи в реалиях средневековой Руси совершенно не означали полного разрыва с родительской семьей. Более того, поколение повзрослевших детей поддерживало определенные отношения и с более старшим поколением – своими бабушками и дедушками, хотя и в меньшей степени, чем с матерями и отцами.

Экономическое взаимодействие «взрослых детей» со старшими членами их семей сводилось к определенным формам. Прежде всего это совместное ведение дел (торговых, финансовых и хозяйственных), где прослеживаются и ситуации, когда координатором такого взаимодействия выступал старший родственник (отец или мать), и ситуации обратного характера. Нередкими были случаи финансовой или хозяйственной помощи, где та или иная сторона просила (или принимала) денежные средства или предметы быта (притом для любой из сторон такие запросы или отдачи не были чем-либо из ряда вон выходящим). Достаточно часто родители выступали посредниками в экономических делах своих повзрослевших детей, а те в свою очередь выполняли различные деловые поручения. Актуальной оставалась и практика передачи опыта, вышедшая за пределы детства и выражавшаяся в советах по ведению личной экономики (например по продаже произведенной ремесленной продукции).

Прецеденты юридического взаимодействия не нашли столь серьезного отражения в источниках, как формы совместных экономических действий, однако способны пролить свет на различные правовые ситуации. Близкие родственники (взрослые дети и их родители) выступали поручителями друг друга

в юридических коллизиях, способствуя выпуску родича под залог и перенимая внушительные долги. Кроме того, были зафиксированы и определенные попытки обойти закон, поспособствовав бегству родственника «из лап правосудия».

Неотъемлемыми элементами взаимоотношений сыновей и дочерей с их родителями и прародителями оставались забота друг о друге и различные формы опеки. В случае если родителям угрожал экономический или гуманитарный кризис (рост цен на ключевые продукты – например, на хлеб), «взрослые дети» настаивали на переезде родителей в более благоприятную локацию. Естественным и зафиксированным в своего рода поучении считался розыск и наём подсобного рабочего, если родители утрачивали работоспособность. И наконец, практиковалась актуальная во все времена форма поддержки – финансовая помощь.

Таким образом, характеризуя взаимодействие «взрослых детей» со старшими поколениями их семей, необходимо констатировать, что существовали как минимум три грани такого взаимодействия, подразумевающие широчайший спектр внутренних форм. Наступление взрослости не означало разрыв связей, но лишь подразумевало их трансформацию и модернизацию. Вместе с тем предложенная статья требует концептуальной связи с последующими работами на сходную проблематику, в частности касающимися структуры семьи в средневековом Новгороде и динамики её развития. Исследование, хотя и закрывает одну из существующих в исторической науке лакун, тем не менее создает почву для дальнейших исследований, в частности в отношении социального статуса матери, отца и прародителей в обществе средневековой Северо-Западной Руси, а также раскрытия специфики взаимоотношений приемных детей с их родителями и усыновителями.

Список литературы

1. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 416 с.
2. Фоссье Р. Люди средневековья. СПб.: Евразия, 2020. 352 с.
3. Бессмертный Ю. Л. Жизнь и смерть в средние века. Очерки демографической истории Франции. М.: Наука, 1991. 240 с.
4. Кон И. С. Ребенок и общество. М.: Наука, 1988. 270 с.
5. Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина (Историко-генеалогическое исследование). М.: Наука, 1981. 296 с.

6. Пушкарева Н. Л. Частная жизнь женщины в Древней Руси и Московии: невеста, жена, любовница. М.: Ломоносовъ, 2022. 216 с.
7. Веремченко В. А. Дети в дворянских семьях России (вторая половина XIX – начало XX в.). СПб.: СПбГЭУ, 2015. 204 с. – EDN: UXZPAL.
8. Лукин П. В. Новгородское вече: старые концепции и новые данные // Исторический вестник. – 2012. – № 1. – С. 98–119.
9. Богданов А. П. Повседневная жизнь Древней Руси. М.: Молодая гвардия, 2016. 526 с.
10. Гиппиус А. А. К истории реформирования Новгородской денежной системы в первой четверти XV в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2023. – № 1(91). – С. 38–45. – DOI 10.25986/IRI.2023.91.1.006. – EDN YFLDCD.
11. Грамота № 354 // Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте. М.: АН СССР, 1963. С. 43.
12. Грамота № 358 // Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте. М.: АН СССР, 1963. С. 50–52.
13. Грамота № 384 // Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте. М.: АН СССР, 1963. С. 84–86.
14. Грамота № 395 // Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте. М.: АН СССР, 1963. С. 97.
15. Грамота № 404 // Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте. М.: АН СССР, 1963. С. 104–106.
16. Грамота № 421 // Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте. М.: Наука, 1978. С. 30.
17. Грамота № 424 // Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте. М.: Наука, 1978. С. 32–33.
18. Грамота № 528 // Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте. М.: Наука, 1978. С. 128–129.
19. Грамота № 578 // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте. М.: Наука, 1986. С. 42–43.
20. Грамота № 831 // Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте. М.: Русские словари, 2004. С. 48–52.
21. Грамота № 952 // Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 46–49.
22. Грамота № 1053 // Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 153–154.
23. Грамота № 1087 // Гиппиус А. А., Зализняк А. А., Торопова Е. В. Берестяные грамоты из раскопок 2016 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания. – 2017. – № 4. – С. 19.
24. Грамота № 1102 // Гиппиус А. А., Зализняк А. А. Берестяные грамоты из раскопок 2017 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания. – 2018. – № 4. – С. 16–17.
25. Грамота № Смол. 9/8 // Авдусин Д. А., Мельникова Е. А. Смоленские грамоты на бересте (из раскопок 1952–1968 гг.) // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. – 1985. – С. 199–211.
26. Грамота № Торж. 10 // Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте. М.: Русские словари, 2004. С. 126–127.
27. Грамота № 893 // Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте. М.: Русские словари, 2004. С. 89–91.
28. Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте. М.: Русские словари, 2004. 288 с.
29. Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М.: ЯСК, 2004. 872 с.
30. Алпатов С. В. Берестяные грамоты в контексте фольклорной и литературной традиции // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. – 2004. – № 4 (18). – С. 123–128.
31. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., Л.: АН СССР, 1950. 568 с.
32. Тихомиров М. Н. Ростовщичество и торговый кредит // Древнерусские города. М.: Госполитиздат, 1956. С. 104–110.

33. Грузков И. В., Рабаданова Х. А., Халидова С. Ш. Женщина в традиционном обществе: традиции, обычаи, факторы роста влияния // *Kant*. – 2014. – № 2 (11). – С. 101–103.

34. Платонов С. Ф. Прошлое русского Севера: очерки по истории колонизации Поморья. Петроград: Время, 1923. 79 с.

35. Бассальго Л. А. О соотношении гривны серебра и гривны кун в Великом Новгороде в XII–XV вв. // *Новгородский исторический сборник*. – 2020. № 6/н. – С. 218–233.

36. Яшина М. И. Финансовая деятельность женщин привилегированных социальных групп в Новгороде в XI–XV вв. (по материалам берестяных грамот) // *Семья и детство в повседневной жизни: история и современность: материалы междунар. науч. конф.* – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2023. – С. 291–295. – EDN: WBEUHA.

37. Тихомиров Е. А. Загробная жизнь, или Последняя участь человека. СПб.: Т. Ф. Кузин, 1888. 640 с.

38. Пропп В. Я. Фольклор и действительность. Русские аграрные праздники. М.: МИФ, 2024. 544 с.

39. Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. М.: Просвещение, 1990. 400 с.

40. Гернет М. Н. Социальные факторы преступности. М.: Унив. тип., 1905. 203 с.

The Relations of “Grown-up” Children with Their Parents and Grandparents as an Aspect of North Western Rus’ Population Familial Everyday Life (as Revealed in the 12th–14th Centuries Birch Bark Letters)

Alexander S. Novikov

The article analyzes various sides of the relationship of “adult children” with their parents and grandparents. The problem is revealed as one of the aspects of familial everyday life among the population of the Northwestern lands of Rus’ in 12th–14th century (mainly about Novgorod and Pskov lands). Stated that even after creating their own family, offsprings continued to communicate with the “parental home”. There are traced various forms and circumstances of this interaction – economic, juridical or caring. The economic form is considered in the context of joint economic (in particular, trade) activities, financial and other material support, as well as other specific circumstances. The legal form of interaction is covered on the base of various precedents – sureties, taking on debt obligations and even attempts to avoid legal liability. The cultural and anthropological side of the issue is revealed in clarifying the circumstances of the “young” taking on various guardianship functions over the older generation, as well as in the course of designating those psycho-emotional processes that can be qualified as care. Based on such a historical source as birch bark letters, the article offers an interpretation of the social and personal processes that determined the family (in the broad sense) life of a person in medieval Rus’.

Key words: family, childhood, parents, grandparents, Medieval Rus’, Novgorod land, birch bark letters.

Acknowledgements: The author expresses his deepest gratitude to the people who helped the proposed article to be published: *Valentina Aleksandrovna Veremenko*, Doctor of Historical Sciences, Professor, scientific supervisor of the PhD thesis – for her faith in the author’s scientific potential, constant research and personal support, for the huge amount of effort invested in the author’s development as a researcher and constant motivation for scientific work; *Marina Nikolaevna Novikova*, beloved mother – for her inexhaustible confidence in the author’s abilities, invaluable help in determining the path of life and support under any circumstances; *Raisa Andreevna Polyagoshko*, dear grandmother, matrona familias – for her tremendous role in shaping the character, beliefs and firm life position of the author. This article is dedicated to you.

For citation: Novikov, A. S. (2025) Vzaimootnosheniya «vzroslykh detej» s roditeliami i praroditelyami kak aspekt semejnoi posvednevnosti naseleniya Severo-Zapada Rusi (po materialam berestyanykh gramot XII–XIV vv.) [The Relations of “Grown-up” Children with Their Parents and Grandparents as an Aspect of North Western Rus’ Population Familial Everyday Life (as Revealed in the 12th–14th Centuries Birch Bark Letters)]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 1. Pp. 10–30. (In Russ.). DOI: 10.35231/1/25422375_2025_1_10. EDN: ZBSUDE

References

1. Ariès, Ph. (1999) *Rebenok i semejnaya zhizn' pri Starom poryadke* [The child and the family life under the old order]. Ekaterinburg: Ural University Publishment. (In Russ.)
2. Fossier, R. (2020) *Lyudi srednevekov'ya* [People of the Middle Ages]. Saint-Petersburg: Eurasia. (In Russ.)
3. Bessmertny, Ju. L. (1991) *Zhizn' i smert' v srednie veka. Ocherki demograficheskoy istorii Francii* [Life and death in the Middle Ages. Essays on the demographic history of France]. Moscow: Nauka. (In Russ.)
4. Kon, I. S. (1988) *Rebenok i obshchestvo* [The child and society]. Moscow: Nauka. (In Russ.)
5. Yanin, V. L. (1981) *Novgorodskaya feodal'naya votchina (Istoriko-genealogicheskoe issledovanie)* [Novgorod feudal ancestral land (Historical and genealogical research)]. Moscow: Nauka. (In Russ.)
6. Pushkareva, N. L. (2022) *Chastnaya zhizn' zhenshchiny v Drevney Rusi i Moskovii: nevesta, zhena, lyubovnica* [The private life of a woman in Ancient Rus' and Moscovia: the bride, the wife, the paramour]. Moscow: Lomonosov. (In Russ.)
7. Veremenko, V. A. (2015) *Deti v dvoryanskikh sem'yah Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Children in noble families of Russia (the 2nd half of the 19th – the beginning of the 20th century)]. Saint-Petersburg: SPbSEU. (In Russ.). EDN: UXZPAL.
8. Lukin, P. V. (2012) *Novgorodskoe veche: starye koncepcii i novye dannye* [Novgorod Veche: old concepts and new findings]. *Istoricheskij vestnik* [Historical bulletin]. No. 1. Pp. C. 98–119. (In Russ.)
9. Bogdanov, A. P. (2016) *Povsednevnyaya zhizn' Drevney Rusi* [The daily life of Ancient Rus']. Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russ.)
10. Gippius, A. A. (2023) *K istorii reformirovaniya Novgorodskoj denezhnoj sistemy v pervoj chetverti XV v.* [On the history of the Novgorod monetary system reforming in the first quarter of the 15th century]. *Drevnyaya Rus': Voprosy medievistiki* [Ancient Rus': Issues of Medieval Studies]. No. 1 (91). Pp. 38–45. (In Russ.). DOI: 10.25986/IRI.2023.91.1.006. EDN: YFLDCD.
11. Birch bark letter No. 354.
12. Birch bark letter No. 358.
13. Birch bark letter No. 384.
14. Birch bark letter No. 395.
15. Birch bark letter No. 404.
16. Birch bark letter No. 421.
17. Birch bark letter No. 424.
18. Birch bark letter No. 528.
19. Birch bark letter No. 578.
20. Birch bark letter No. 831.
21. Birch bark letter No. 952.
22. Birch bark letter No. 1053.
23. Birch bark letter No. 1087.
24. Birch bark letter No. 1102.
25. Birch bark letter No. Smolensk. 9/8.
26. Birch bark letter No. Torzhok 10.
27. Birch bark letter No. 893.
28. Yanin, V. L., Zaliznyak A. A., Gippius A. A. (2004) *Novgorodskie gramoty na bereste* [Novgorod letters on birch bark]. Moscow: Russian dictionaries. (In Russ.)
29. Zaliznyak A. A. (2004) *Drevnenovgorodskij dialekt* [The Ancient Novgorod dialect]. Moscow: YSC. (In Russ.)
30. Alpatov S. V. (2004) *Berestyanye gramoty v kontekste fol'klornoj i literaturnoj tradicii* [Birch bark letters in the context of folklore and literary tradition]. *Drevnyaya Rus': Voprosy medievistiki* [Ancient Rus': Issues of Medieval Studies]. No. 4 (18). Pp. 123–128. (In Russ.)
31. Tikhomirov, M. N. (ed.) (1950) *Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov* [The Novgorod first Chronicle of the elder and younger editions]. Moscow, Leningrad: AoS USSR. (In Russ.)
32. Tikhomirov, M. N. (1956) *Rostovshchичество i torgovyy kredit* [Usury and trade credit]. *Drevnerusskie goroda* [Ancient Russian cities]. Moscow: SPP. Pp. 104–110. (In Russ.)

33. Gruzkov, I. V., Rabadanova, H. A., Khalidova, S. Sh. (2014) *Zhenshchina v traditsionnom obshchestve: tradicii, obychai, faktory rosta vliyaniya* [The woman in a traditional society: traditions, customs, factors of influence growth]. *Kant* [Kant]. No. 2 (11). Pp. 101–103. (In Russ.)

34. Platonov, S. F. (1923) *Proshloe russkogo Severa: ocherki po istorii kolonizatsii Pomor'ya* [The Past of the Russian North: essays on the history of colonization of Pomorye]. Petrograd: Vremya. (In Russ.)

35. Bassalygo, L. A. (2020) *O sootnoshenii grivny serebra i grivny kun v Velikom Novgorode v XII–XV vv.* [On the ratio of the hryvnia of silver and the hryvnia of kuna in Novgorod in the 12th – 15th century]. *Novgorodskij istoricheskij sbornik* [Novgorod Historical Anthology]. Pp. 218–233. (In Russ.)

36. Yashina, M. I. (2023) *Finansovaya deyatel'nost' zhenshchin privilegirovannykh social'nykh grupp v Novgorode v XI–XV vv. (po materialam berestyanykh gramot)* [Privileged women' financial activity in the 11th–15th cent. Novgorod (on birch bark letters)]. *Sem'ya i detstvo v povsednevnoj zhizni: istoriya i sovremennost'* [Family and childhood in everyday life: history and modernity]. Saint-Petersburg: LSU n. a. A. S. Pushkin. Pp. 291–295. (In Russ.). EDN: BWEUHA.

37. Tikhomirov, M. N. (1888) *Zagrobnyaya zhizn', ili Poslednyaya uchast' cheloveka* [The Afterlife, or the Last fate of human]. Saint-Petersburg: T. F. Kuzin. (In Russ.)

38. Propp, V. Ya. (2024) *Fol'klor i dejstvitel'nost'. Russkie agrarnye prazdniki* [Folklore and reality. Russian agricultural holidays]. Moscow: MIF. (In Russ.)

39. Ivanov, V. V. (1990) *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Historical grammar of the Russian language]. Moscow: Prosveschenie. (In Russ.)

40. Gernet, M. N. (1905) *Social'nye faktory prestupnosti* [The social factors of crime]. Moscow: University Publishment. (In Russ.)

Об авторе

Новиков Александр Сергеевич, аспирант кафедры истории России, старший преподаватель кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: kafmfistori@lengu.ru; ORCID ID: 0009-0003-8999-4696

About the author

Alexander S. Novikov, Postgraduate Student of the Russian History department, Senior Lecturer of the History department, Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: kafmfistori@lengu.ru; ORCID ID: 0009-0003-8999-4696

Статья поступила в редакцию 03.12.2024
Одобрена после рецензирования 27.01.2025
Принята к публикации 03.02.2025